

А. Котлярчук

ШВЕДСКИЕ КОЛОНИСТЫ УКРАИНЫ В КОМИ АССР. ТЕХНОЛОГИИ НАСИЛЬСТВЕННОЙ НОРМАЛИЗАЦИИ И КОЛЛЕКТИВНОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ¹

Введение

История крестьян села Старошведское (Gammalsvenskby) Херсонской области Украины представляет собой уникальное поле для исследования воздействия на человека тоталитарных технологий XX в. Поселение было основано в 1782 г. в Новороссии по указу императрицы Екатерины II шведами балтийского острова Dagö (сегодня — Hiiumaa в Эстонии)². В 1790–1791 гг. в Старошведское были также отправлены военнопленные Русско-шведской войны³. Шведская земледельческая колония на берегу Днепра, недалеко от его впадения в Черное море, является единственным скандинавским поселением в Евразии на восток от Финляндии.

По оценке шведских и российских исследователей, в начале XX в. для шведских колонистов (svenskbyborna) была характерна высокая степень этнического самосознания⁴. Так, колонисты считали себя шведами и свободно владели родным языком в его диалектной (svenskbymål) и стандартной формах (rikssvenska)⁵. С середины XIX в. жители села установили прочные связи с королевством Швеции и шведами Великого княжества Финляндского (finlandssvenskar). С их помощью в селе был создан ряд шведских культурных институтов (школа, шведский приход, библиотека, хор и т.п.) и как следствие — получена «прививка» современного национализма.

В религиозном плане поселенцы были лютеранами шведского обряда. Старошведская кирха являлась первым лютеранским храмом в Новороссии, действовавшим в 1782–1929 гг. шведским приходом. В социально-экономическом смысле крестьяне Старошведского были иностранными колонистами империи Романовых и до буржуазных реформ конца XIX в. имели серьезные правовые и экономические привилегии и автономное самоуправление⁶. Даже после реформ конца XIX — начала XX в. реальное положение шведских поселенцев было значительно лучше положения их соседей — украинских и русских землепашцев.

На протяжении первой половины XX в. (1923–1953) шведская община у Черного моря стал объектом ряда крупнейших социальных экспериментов со

стороны различных политических режимов. Целью экспериментов, направленных на изменение коллективной идентичности колонистов, было формирование лояльного отношения шведов к новой власти. В 1923–1929 гг. в деревне под руководством Центральной комиссии национальных меньшинств Украины (ЦКНМ) осуществлялась политика «коренизации», целью которой было формирование из бывших иностранных колонистов Российской империи лояльного этнического меньшинства Украины. В 1929–1938 гг. после массовой эмиграции всего села (около 900 человек) на историческую Родину в Швеции под контролем специально созданного государством органа — Комитета по делам села Старошведское (Gammalsvenskbykommittén) — проходил новый масштабный эксперимент⁷. Его цель заключалась в полной интеграции «архаичных» украинских шведов в современное шведское общество через их превращение в «успешных шведских фермеров». Эмигрантам было отказано в отдельном поселении, и старошведы были рассеяны по всей стране для «обучения шведским нормам ведения хозяйства и быта». Специально назначенные комитетом инспекторы контролировали все аспекты интеграции «потерянного колена» в шведское общество. Несогласные с подобной политикой колонисты (265 человек) в 1930–1931 гг. реэмигрировали в СССР. Здесь, в селе Красношведское, (бывшее Старошведское) в 1931–1938 гг. под эгидой Коминтерна и руководством коммунистов коммунистической партии Швеции (Sveriges Kommunistiska Parti) осуществлялся эксперимент по строительству первого в СССР шведского колхоза и шведского сельсовета⁸. В ходе национальных операций НКВД в 1937–1938 гг. были арестованы и исчезли (фактически расстреляны) 36 жителей села, обвиненных в создании мифической «шведской контрреволюционной шпионской организации». За массовым террором последовала ликвидация всех национальных административных, экономических и культурных институтов (национального сельсовета, шведского колхоза, шведской школы, библиотеки, лютеранской общины, шведского культурно-просветительского кружка). Сталинский проект нормализации шведского меньшинства через террор был прерван войной. Немецкая оккупация Украины в 1941–1943 гг. сделала старошведов жертвами очередного эксперимента по германизации шведского населения Altschwedendorf. Исходя из расовых предпосылок, нацистский режим предоставил шведам статус «фольксдойче». В деревне, находившейся под особой охраной и контролем СС, была открыта немецкая школа, действовали организация Hitler-Jugend и отряд самообороны. Молодежь массово рекрутировалась на службу в полицию и армию. В это же время еврейское население соседних колоний Новый Берислав и Льво-

во было уничтожено айнзатцгруппами (einsatzgruppen SS) в 1941 г. в целях обеспечения «расово чистого жизненного пространства для фольксдойче»⁹. Политика германизации украинских шведов продолжилась в 1943–1945 гг. в третьем Рейхе после депортации населения села в октябре 1943. В Германии жители села получили немецкое гражданство и доступ ко всем социальным пособиям и льготам. Мужчины были мобилизованы в вермахт и войска SS.

Последовавшая в 1945 г. депортация старошведов из Германии в Республику Коми была продолжением сталинского проекта нормализации, приобретшего особое значение, учитывая длительное воздействие на шведов фашистской пропаганды. После нахождения в фильтрационных лагерях Германии, Ковеля и Бреста жители села, собранные вместе по паспортным данным места проживания, были направлены как «фольксдойче до особого распоряжения» на спецпоселение в Коми АССР. Общее число фольксдойче, высланных в 1945 г. из Германии на спецпоселение, достигало 208 тыс. человек, из них 10 132 чел. — в Коми АССР¹⁰. Данное решение властей следует рассматривать как продолжение принудительной нормализации идентичности по сталинскому образцу. Подчеркнем, что именно эта идея ставилась как задача, поставленная аппарату НКВД по делам спецпоселенцев, — «**переделка** неблагонадежных элементов в сознательных строителей социалистического общества»¹¹.

В настоящей статье пребывание шведских колонистов в Коми-ГУЛАГе рассматривается сквозь призму теорий «технологии насильственной нормализации» Мишеля Фуко (Michel Foucault) и «изменений коллективной идентичности» Альберто Мелуччи (Alberto Melucci)¹². Направленная на выгодное для власти изменение коллективной идентичности, технология нормализации включает три базовых блока:

- новый нормативный стандарт идентичности (политический, социально-экономический, культурно-лингвистический);
- создание новых границ (географических, социальных, политических);
- внедрение новых групповых ценностей (через образование, пропаганду, труд, военную службу и т.п.)

Разница между «старым» стандартом идентичности и новыми требованиями является базисом для конфликтов и изменений коллективной идентичности. При этом чрезвычайная ситуация насилия усиливает технологический эффект, позволяя власти осуществлять тотальный и безальтернативный контроль над жизнью индивида и группы. По мнению Фуко, малопродуктивно

искать в действиях власти ясные экономические и другие цели логического порядка. У каждого из политических режимов собственные технологии, но всегда одна цель — подчинение и один наиболее популярный метод — насилие¹³. Формат статьи не позволяет остановиться на всех аспектах принудительной нормализации. Фокус данного исследования направлен на изучение предложенного властью нового стандарта идентичности, моделирования новых границ, а также стратегии коллективного сопротивления.

Новый стандарт идентичности

Большинство оказавшихся в советской оккупационной зоне мужчин-старошведов были приговорены за службу в вермахте, полиции и войсках SS к длительным срокам заключения и отправлены в лагеря Воркуты и Урала. Поэтому среди сосланных в Коми старошведов были прежде всего женщины, старики и дети. В вину спецпоселенцам вменялось «добровольное бегство за границу»; «добровольное принятие статуса “фольксдойче” и пользование привилегиями»; «добровольное принятие немецкого гражданства во время пребывания в Германии». По мнению прокуратуры, работавшей в 1990-х гг. над реабилитацией шведских спецпереселенцев, их вина была надуманной, а их действия не носили «добровольного характера»¹⁴. Воспитанные одной тоталитарной системой старошведы подчинялись требованиям новой репрессивной машины. Удостоверения фольксдойче были массово розданы старошведам на общем собрании села в 1942 г. Отказаться от объявленного заранее властью мероприятия шведы не могли, исходя из поведенческих практик, усвоенных еще в довоенное время. Публично отказаться от статуса фольксдойче означало серьезный риск как для индивида, так и для его семьи. Пример уничтожения нацистами местных евреев и цыган был хорошо знаком жителям Старошведского. Как следует из допросов НКВД, единственной привилегией фольксдойче, которой воспользовалось женское население села, была раздача продуктовых наборов и мыла. «Добровольное бегство за границу» в действительности являлось принудительным выселением войсками всех жителей села 27 октября 1943 г. в рамках операции войск SS по эвакуации 72 тыс. черноморских немцев¹⁵. О негативном отношении старошведов к этой акции свидетельствует трагическая песня, сочиненная в эти дни¹⁶.

Наказанием за переход в стан врага стал депортация в отдаленные районы страны, организованная по этническому признаку. Новая правовая и политическая составляющая идентичности определялась одним словом.

В графе «судимость» параграфа 11 учетной карточки старошведов стояло слово «спецконтингент»¹⁷. Формально спецконтингент сохранял статус свободных граждан СССР. Например, спецпоселенцы могли голосовать, получали государственные награды. В отличие от узников лагерей, поселенцы обязаны были участвовать в публичных ритуалах политического характера: политических собраниях, выборах в Верховный Совет и т.п. Важной поведенческой практикой являлась публичная демонстрация положительного отношения к советской власти, армии, НКВД и лично товарищу Сталину. Одновременно репатрианты должны были осуждать порядки фашистской Германии и никогда не вспоминать о положительных сторонах их ежедневной жизни в третьем Рейхе. Место и вид труда поселенцев определялись спецкомендатурами НКВД. Тяжелый принудительный физический труд должен был стать главным элементом «переделки» поселенцев в сознательных советских граждан. Сроки их ссылки, как правило, не ограничивались, и в решениях НКВД было записано: «до особого распоряжения». Вышесказанное означало, что именно власть решала, когда фольксдойче можно будет считать лояльным советским гражданином. Вина фольксдойче считалась коллективной, но освобождение носило индивидуальный характер. Тот, кто следовал новому политическому стандарту, мог рассчитывать на будущую свободу. Критическое отношение к новой норме публичного поведения (например, сравнение жизни в Германии с бытом в СССР или открытая религиозность) приводило к карательным санкциям государства. Нарушитель осуждался и пополнял страну зэка, полностью выпадая из «нормальной» социальной и политической структуры общества.

Новый лингвистический стандарт обеспечивал трансформацию старошведов в обычных советских граждан. Русский язык играл роль важного маркера, так как именно овладение русским языком позволяло приобщить фольксдойче к советской культуре. Шведы прибыли в Коми как фольксдойче, и это наложило свой отпечаток на лингвистический стандарт ежедневного поведения. Если другие этнические группы спецпоселенцев (эстонцы, калмыки) с разрешения властей использовали родной язык в ежедневном общении и культурной жизни, «немцы» были лишены этого. Местные власти и население крайне негативно относились к языку «ненавистных фашистов». Население не знало о наличии в СССР огромного (более 1 млн человек) немецкого меньшинства и считало поселенцев настоящими немцами из Германии¹⁸. Русским языком на момент прибытия в Коми шведы не владели, поэтому пользовались украинским языком. Местное деревенское население их не понимало, разговаривая на языке коми. Шведские посе-

ленцы старались не разговаривать на родном языке в публичных местах, так как местное население воспринимало этот язык немецким и вступало в немедленный конфликт. У шведов отсутствовала какая-либо возможность читать на родном языке, отчего страдало старшее поколение. Все шведские дети школьного возраста были обязаны учиться в спецшколе поселка Жешарт, обучение в которой проходило исключительно на русском языке. Анна Лютко (девичья фамилия Сигалет) вспоминает, что учиться в жешартской школе было «очень тяжело» по причине малопонятного языка. Анна Лютко (1931 г.р.) начинала обучение на украинском языке, затем училась в 1941–1945 гг. в немецких школах Украины и Германии¹⁹. За годы войны она, как и другие дети Старошведского, хорошо овладела стандартным немецким языком. В апреле 1944 г. старошведов в районе немецкой колонизации Warthegau посетил корреспондент шведской газеты «Aftonbladet» Херье Гранберг. В своем отчете МИД Швеции он отметил, что дети начального школьного возраста, в отличие от старшего поколения, в общении между собой используют немецкий язык²⁰. Малопонятный русский язык обучения стал серьезным психологическим барьером для молодого поколения старошведов в Коми.

Травмирующим фактором было не только обучение на русском языке, но и малознакомый кириллический алфавит. Арвид Кнутас (1934 г.р.) вспоминает, что овладение сложным алфавитом стало для него серьезным испытанием. Семья Арвида реэмигрировала в 1931 г. из Швеции в СССР. Отец Густав Кнутас был арестован в 1937 г. НКВД и исчез (расстрелян). Как известно, скрывая масштабы террора в стране, НКВД/МГБ в 1930–1950-х гг. сознательно массово дезинформировало родственников арестованных, не сообщая им подлинную судьбу жертв. В 1945 г. мать Арвида, Роза Кнутас, могла выехать с детьми из Германии в Швецию (этой возможностью воспользовалось около 100 старошведов), однако предпочла добровольно вернуться в СССР в надежде разыскать мужа. Вместо встречи семью ожидало многолетнее заключение в спецпоселках Коми. Арвид Кнутас принадлежал ко второму поколению репрессированных советской властью шведов. После освобождения в 1954 г. он остался в Сыктывкаре, где сделал неплохую карьеру, завершив трудовой путь начальником строительного треста. Несмотря на успешную интеграцию в советское общество, Арвид Кнутас прекрасно осознает, что ценой адаптации стали полученные им вследствие насильственной нормализации травмы. В его доме никогда не было собаки, напоминавшей ему о ГУЛАГе. Правду о трагической судьбе отца Арвид узнал только в 1990-х гг. Свою идентичность он описывает в сложных

словах. Шведским языком Арвид владеет слабо из-за многолетнего отсутствия практики. Знание немецкого языка сохранилось, однако родным языком стал русский. Многие его родственники эмигрировали после 1991 г. в Германию и Швецию. Тем не менее сам Арвид и его брат Оскар решили остаться в России²¹.

Религиозные практики не допускались в быту поселенцев. Религиозная литература на шведском языке (книги Библии и духовные песенники) были конфискованы как «антисоветские публикации» в фильтрационных лагерях НКВД. Напомним что индивидуальное чтение Библии и совместное распевание духовных псалмов является основой религиозной практикой лютеран. Власть демонстрировала свою богоборческую сущность, открыв главный корпус Усть-Вымлага на месте древнего центра православной культуры Коми. Лютеранского храма в Коми не существовало, и на тот период времени все лютеранские священники СССР находились в лагерях или были уничтожены²². Таким образом, шведские протестанты лишились возможности поддерживать религиозную составляющую своей идентичности. Отметим, что в годы нацистской оккупации шведские колонисты получили свободу исповедания. Разница старого и нового стандартов идентичности, безусловно, приводила к конфликтной ситуации.

Создание новых границ

Статус спецпоселенцев определялся двумя правовыми актами Советского правительства 1945 г.: «О правовом положении спецпоселенцев» и «Положение о спецкомендатурах НКВД СССР»²³. Формально спецпоселенцы пользовались «всеми правами граждан СССР за исключением ограничений, предусмотренных законом». Именно эти «ограничения» и создавали новую конфигурацию подневольного мира. Все спецпоселенцы направлялись в отдаленные районы страны, как правило, с тяжелыми климатическими условиями. На местах их также изолировали от свободного населения, создавая новые географические, социальные и политические границы. Все поселенцы проживали в изолированных поселках, находившихся под контролем НКВД. Самовольная отлучка из поселения рассматривалась как побег и каралась тремя годами лагерного заключения. Вместо обычных органов советской власти делами спецпоселенцев занимался карательный аппарат «спецкомендатур НКВД», получивший абсолютную власть над поселенцами. Спецкомендатура решала, где и как будут трудиться поселенцы, контролировала любые изменения частной жизни, определяла нормы выработки и

питания. В свою очередь поселенцы «обязаны были подчиняться всем распоряжениям спецкоменданта. Секретная директива № 181 НКВД СССР от 11.08.1945 г. ставила всех фольксдойче на оперативный учет и определяла перед спецкомендантом задачи по вербовке, слежке и негласному круглосуточному контролю за жизнью спецпоселенцев»²⁴.

Таким образом, именно власть определила шведам новое для них место в социальной иерархии общества. В оккупированной Украине они занимали высокое место в новой иерархии. Согласно нацистским планам именно фольксдойче призваны были стать представителями господствующей расы на Востоке. Депортация в Коми определила за старшешведами самое низкое место в социальной лестнице советского общества. Ниже них (фактически за ее пределами) находились только узники ГУЛАГа. Однако в действительности положение спецконтингента НКВД («эска») во многих случаях было хуже положения заключенных ГУЛАГа («зэка»). Как вспоминала Евгения Гинзбург, «считалось что режим “эска” мягче нашего зэковского. Однако это было не так»²⁵. Это сравнение касалось и положения заключенных и спецконтингента Усть-Вымлага²⁶. Так спецпоселенец Виктор Чернов писал из Коми, что «здесь не жизнь, а каторга... один выход — попасть в лагерь или бежать»²⁷. Заключенные знали свой срок и ждали дня освобождения. Шведы были высланы на Север бессрочно, «до особого распоряжения». Заключенным гарантировался минимум питания, отопление и рабочая одежда. Спеппоселенцы должны были отработать «общественно полезным трудом» свой минимальный паек. Рабочая одежда приобреталась самими поселенцами за счет будущих вычетов. Это было особенно актуально для шведов, прибывших в декабре 1945 г. в Коми из Германии в летней одежде. Отчет НКВД об одном из этапов сообщает, что «чтобы довести людей живыми нам (охране) пришлось отдать свою одежду, так как народ прибыл в большинстве своем в одних рубашках». Зимой 1946 г. на лесоповале можно было увидеть женщин-фольксдойче в «бальных туфлях»²⁸. Сосланные как фольксдойче украинские шведы были, пожалуй, самой униженной категорией спецпоселенцев и воспринимались властями как «фашисты». Слова «они считали нас врагами» рефреном повторяются во всех воспоминаниях шведов о пребывании в Коми. Тяжелые условия и практика государственного насилия призвана была увеличить эффект нормализации. Новая географическая реальность играла важную роль в технологии принудительной нормализации. Земледельцы южной степной зоны Украины должны были работать на незнакомом им лесном производстве. Несмотря на полное отсутствие навыков, шведские женщины получили работу на лесной бирже.

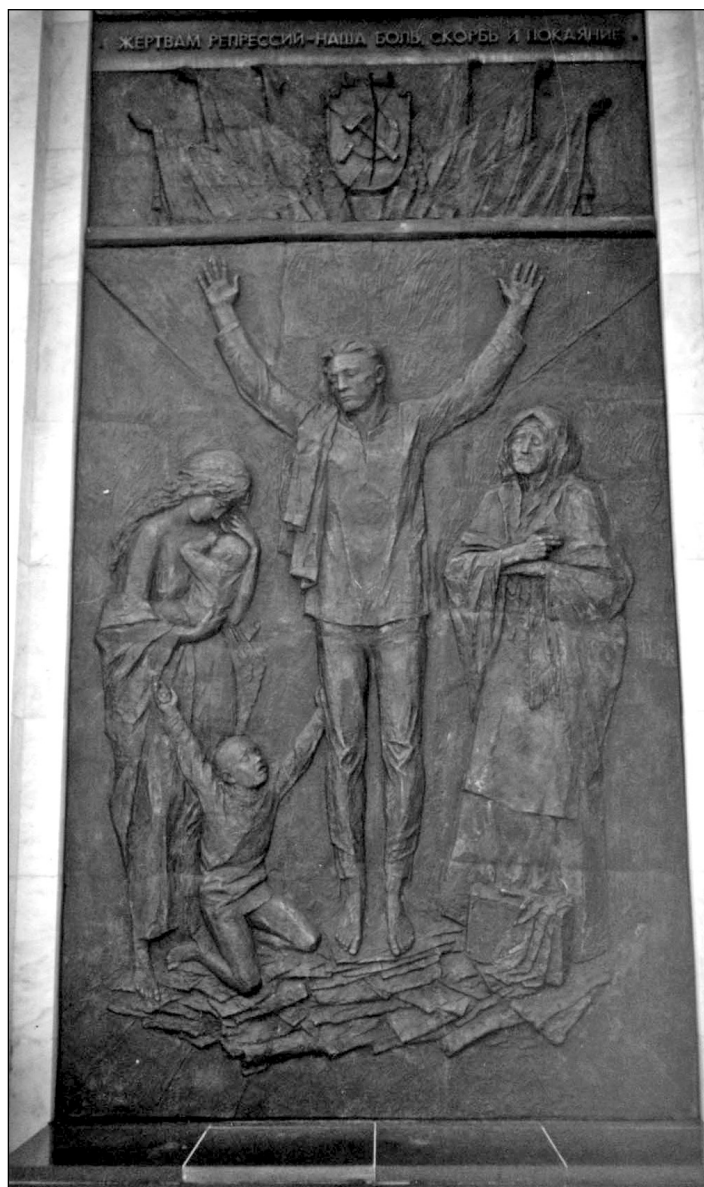

Рис. 1. Памятник жертвам сталинских репрессий. Сыктывкар

Титуловый ф. № 208
ЛИЧНАЯ КАРТОЧКА №

1. Фамилия Юнсон
2. Год рождения 1913 отчество Юнсонович
3. Место рождения: область Минская город Кобрин
район Кобринский село Кобрин
4. Национальность белорус
5. Партийность член ВЛКСМ
6. Принадлежность к ВЛКСМ член профсоюза
7. Член профсоюза белорусского
8. Образование среднее, неполное среднее, начальное (ст. классов) нет
9. Политическое образование нет

10. Специальное образование нет
учебного заведения и дата окончания нет
11. Знание иностранных языков не знает
12. Основная профессия и специальность Строитель
13. Общий стаж работы по найму с 1926 года
14. Стаж работы по данной специальности с 1931 г.
15. Паспорт серия ЛР № 556945
выдан Полковником В.И.К.Б.В.
дата выдачи 21 февраля 1941 г.
на срок до 21-46 г.

22. Наименование военно-учетного стола по месту жительства военнообязанного Минский
23. Наименование РВК по месту жительства военнообязанного Минский
24. Состоит ли на специальном учете да

Сведения о военном учете

16. Категория учета Взрослый
17. Группа учета Б.К.В. Красная Армия, ВМФ, РККА
18. Состав Взрослый
19. Военное звание Мл. сержант
20. Военно-учетная специальность № 133
21. Приписан ли к войсковой части нет
ВЛС ЦСУ № 15 (161) 5-41 1994-150,0 0

Рис. 2. Учетная карточка Кнют Юнсон. 1945 г. Спецконтингент Жешартского фанерного завода. Частный архив

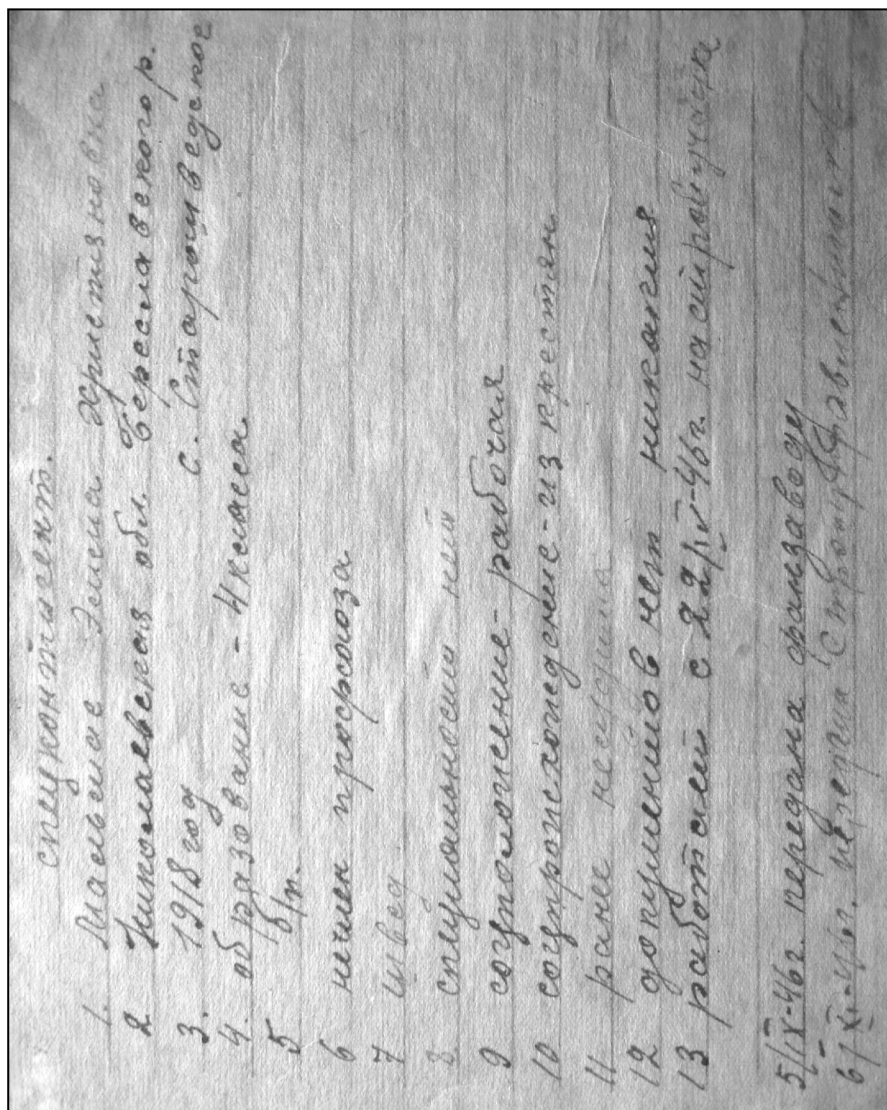

Рис. 3. Учетная карточка Эмма Мальмас. 1946 г. Спецконтингент Жешартского фанерного завода. Частный архив

Рис. 4. Дом культуры Усть-Вымлага, п. Вожаель

Рис. 5. Последние шведскоговорящие жители села Змиевка (бывшее Старошведское). Слева направо: Эмма Утас, Эльза Козенко, Мария Нурберг, Анна Аннас, Лилья Гансас. Фото Андрей Котлярчук. 2005 г.

Насилие и стратегии сопротивления

12 декабря 1945 г. группа из 64 старошведов прибыла в п. Жешарт, где была направлена на работу на лесоперевалочную базу Башлыково. «Лесобиржа» в Башлыково возникла на территории п. Жешарт в 1930 г. как место «кулацкой ссылки» крестьян из России, Беларуси и Украины. Работники лесобиржы занимались сортировкой леса. К 1945 г. большинство обитателей вымерло, и шведские поселенцы заняли пустые землянки, оборудованные двухъярусными койками и примитивной печкой-буржуйкой. Работали шведские поселенцы в бригаде Азизова.

Эмма Мальмас вспоминала: *Когда мы приехали, было 52 градуса мороза. Мы все были легко одеты. У детей не было зимней одежды. Я сразу поняла, что мои дети должны умереть здесь. Это было ужасно, что они сделали с нами. Мы все, женщины и дети, жили в землянках, где раньше жили другие узники. За норму выработки можно было купить 1 кг хлеба. Дети и старики получали карточки на 300 г хлеба в день. Это был не настоящий хлеб, а мякина. Первый раз, когда я дала его детям, мой сын Юханнес выплюнул этот хлеб изо рта со словами: «Что это, мама?»*²⁹

Лесобиржа Башлыково была известна в Усть-Вымлаге каторжными условиями труда. Там постоянно не хватало рабочей силы. Направление шведских женщин на эту работу входило в стратегию власти, согласно которой тяжелый физический труд должен был стать основным инструментом «переделки» фольксдойче в сознательных советских граждан. Анна Портье вспоминает: *Они вели нас вдоль реки Вычегда, широкой, как Днепр, в поселок Жешарт. Это был ад. Мы шли в 53-градусный мороз. Работа была ужасной. Мы складировали лес на лесобирже. Летом мы работали в сапогах на плавающих бревнах, все равно что на скользящем стекле. Две наши девушки получили серьезные травмы*³⁰.

В особой группе риска находились дети дошкольного возраста и старики, вынужденные все время проводить под землей, в землянках. В отличие от заключенных ГУЛАГа, государство не брало на себя ответственность за жизнь и здоровье детей спецпоселенцев, переложив всю ответственность на их родителей. Так, Эмма Мальмас потеряла двух малолетних детей, просидевших всю зиму в землянках. Ее 9-месячная дочь Эльза умерла 9 января 1946 г., спустя три недели после прибытия в Коми. В свидетельстве о смерти названа действительная причина гибели ребенка — «истощение». 6-летняя Анна Мальмас умерла 7 апреля 1946 г. от двустороннего тубер-

кулеза легких. В свидетельстве о смерти 60-летней Анны Утас причиной смерти цинично названа «старческая дряхлость». Всего за 1945–1946 гг. от голода и болезней в Башлыково скончались 11 шведов³¹. Несмотря на то что органы спецкомендатуры были обязаны «обеспечить нормальные условия существования», никто за это преступление ответственности не понес. Чрезвычайно высокая смертность и падение рождаемости были характерны для всех групп спецпоселенцев в 1945–1947 гг., однако именно фольксдойче были лидерами в этой трагической статистике³². Милита Правосолова (1926 г.р., девичья фамилия Портье) вспоминает, что, когда «6 января 1946 г. умирал ее папа Фридрих Портье (1888 г.р.), он попросил перед смертью белого хлеба и масла. Я пошла, чтобы купить его, но ничего не нашла. Тогда моя мама сказала нам, своим дочерям: “Вы не должны рожать здесь детей”»³³.

Довольно быстро шведы осознали, что в созданных властью условиях шансы на выживание и возвращение домой минимальны. В этих условиях основным механизмом сопротивления стала консолидация группы на основе этнического самосознания. Вопрос о функционировании и взаимоотношениях этнических общин в ГУЛАГе и на спецпоселениях изучен недостаточно. Известно, что в отличие от лагерей с их интернациональным составом, послевоенные специальные поселения формировались преимущественно по этническому принципу. Последнее обстоятельство существенно усиливало роль национального фактора в ежедневной стратегии выживания. Как отмечает исследователь Коми-ГУЛАГа Николай Морозов, доля иностранцев в лагерях Коми была все время заметно выше, чем в других районах страны. «Считалось что суровый климат и каторжный труд на лесоповале, отдаленность этих мест сами по себе гарантировали соблюдение тайны и изолировали граждан буржуазных стран от советского народа»³⁴. Не случайно Республику Коми называли «тюрьмой без колючей проволоки».

В 1941 г. был создан трест «Спецжешартстрой» НКВД СССР, основной задачей которого было строительство завода авиационной фанеры. Подневольными работниками треста стали спецпоселенцы и бойцы трудовой армии со всех районов страны: поволжские немцы, русские, украинцы, в том числе и шведы. В июне 1941 г. в ходе массовой депортации населения Эстонии в Коми были выселены десятки эстонских шведов³⁵. В 1945 г. в лагерях Коми находилось 2476 финских военнопленных, ряд из них — финско-шведского происхождения³⁶. На строительстве фанерного завода в

Жешарте трудились 246 военнопленных из Финляндии (лагерь № 367 при тресте «Спецжешартстрой» НКВД СССР)³⁷. Плотником треста работал бывший гражданин Швеции Гарри Хялин (Harry Hallin, 1922 г.р.), выехавший вместе с родителями в 1930-х гг. в СССР. Как «неблагонадежный элемент» в 1941 г. Хялин был призван в трудовую армию. Главным механиком «Спецжешартстроя» работал швед Кнют Юнсон (Knut Jonsson). Известный в воспоминаниях шведских колонистов как «инженер Андерсон/Юнсон из Ленинграда», он в действительности был русским шведом из Мурманской области, получившим среднее техническое образование в СССР³⁸. Кнют Юнсон родился в 1912 г. в северном селе Ковда и, скорее всего, стал жертвой депортации «граждан инациональности», осуществленной в 1940 г. в Мурманском крае согласно приказу наркома НКВД Л. Берии. Тогда в результате депортации было выселено 6973 человека, в основном этнических финнов, шведов и норвежцев³⁹.

Сочетание двух обстоятельств — возможности организации этнической общины и контактов с другими «соотечественниками» — являлось, на мой взгляд, главной причиной успешной реализации стратегии коллективного сопротивления шведских колонистов в Коми. Именно шведу Юнсону суждено было стать ключевой фигурой в спасении старошведов. Эмма Мальмас так вспоминала о первой встрече поселенцев с влиятельным главным механиком «Спецжешартстроя»: *Один раз к нашим землянкам подошел шведский инженер Андерсон, высокий и хорошо одетый. Он услышал, что мы говорили по-шведски, и сказал на шведском языке:*

— *Goddag! Вы что шведы?*

— *Да, мы шведы.*

— *Но почему тогда вы здесь?!*

— *Мы не знаем*

— *Знаете это несправедливо. Швеция не воевала, и вы здесь явно по ошибке*⁴⁰.

22 апреля 1946 г. шведские поселенцы были сняты с работы на лесобирже Бышлыково и переведены в распоряжение «Спецжешартстроя». На новом месте работы шведы работали в помещении (цех по производству авиационной фанеры) и получили нормально оборудованный барак. Это позволило группе без значительных потерь пережить зиму 1946–1947 гг. 22 декабря 1946 г. Кнют Юнсон был снят с поселения и выехал на работу в поселок Парфино Новгородской области. Перед своим освобождением шведский специалист поддержал поселенцев в их желании написать кол-

лективное прошение в Президиум Верховного совета СССР. В прошении подчеркивалось, что «фольксдойче» Жешартского фанерного завода не являются немцами и направлены в Коми по ошибке⁴¹. Письмо было отправлено, и 28 декабря 1946 г. согласно указанию ОСП МВД СССР № 38/10149 шведские невольники «Спецжешартстроя» были «сняты со спецучета в связи с выездом на Родину»⁴². 5 мая 1947 г. на арендованном в Воркуте товарном вагоне группа шведов выехала из Коми в Херсонскую область. После месяца пути в июне 1947 г. поселенцы вернулись в родное село⁴³. Там их никто не ждал. Власти УССР начали заселение района украинскими эмигрантами из Польши — жертвами послевоенного передела границ. Село Старошведское было переименовано и получило украинское название Вербивка. Позже шведская деревня влилась в состав украинского села Змиевка (бывшая немецкая колония Шлангендорф). Новыми соседями шведов стали около 2500 украинских крестьян. Их бывшие немецкие соседи (около 2 тыс. человек) остались в поселениях на Севере России и Сибири и никогда не вернулись в родные места. Соседи-евреи погибли в результате Холокоста. Вторая мировая война и политические репрессии кардинально изменили этническую и культурно-географическую карту Херсонской области. Старошведы, находившиеся в других районах Коми, не были освобождены в 1947 г. и оставались на спецпоселении до 1954 г. Этой группе фольксдойче возвращение на Украину было запрещено Постановлением Совета министров СССР от 21 марта 1958 г. Запрет был снят только в 1972 г.⁴⁴ Практически все бывшие фольксдойче находились до конца 1980-х гг. на оперативном учете КГБ со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Снятие шведов со спецпоселения было редким, но не уникальным случаем в практике сталинской системы. Так, в 1945 г. из Коми на юг России были переселены, а затем возвращены на Родину польские граждане, не освобожденные в 1941–1944 гг.⁴⁵ В 1946 г. по причине нехватки рабочей силы с просьбами о снятии со спецпоселений латышей и грузин обращались лидеры союзных республик. 13 августа 1946 г. по указу Сталина за героизм, проявленный в годы войны, были сняты со спецпоселения 23 тыс. русских крестьян — бывших кулаков⁴⁶. В результате нормализации отношений СССР с Финляндией 26 января 1946 г. с поселений были освобождены ингерманландские финны. Однако, в отличие от шведов, ингерманландцам было запрещено возвращаться в родные места (за исключением участников ВОВ, имевших правительственные награды)⁴⁷.

Заключение

Два обстоятельства делают шведский пример уникальным. Во-первых, это единственный известный мне случай, когда освобождение из спецпоселения первых послевоенных лет произошло по инициативе снизу. В этом случае старошведы использовали отработанную веками социальную практику сопротивления. Метод коллективной юридической защиты через прямое обращение к верховной власти отрабатывался колонистами неоднократно в шведском королевстве, Российской империи и СССР. Известны как минимум два коллективных письма (1915 и 1919 гг.), в которых шведские поселенцы аргументировали свое ненемецкое происхождение⁴⁸. Во-вторых, шведские поселенцы были не просто освобождены, им было разрешено вернуться в родные места, с них не брали подписки о запрете проживания в ряде районов СССР. Таким образом, советская власть признала шведских поселенцев полноценными советскими гражданами. Полученное от власти «коллективное прощение», несомненно, ускорило процессы полной интеграции старошведской группы в советское общество, одновременно табуируя полученный опыт социализации в гитлеровской Германии и буржуазной Швеции.

Насильственная ссылка в Коми способствовала ускорению процессов советской нормализации в среде шведских колонистов. Ослабление биологического воспроизводства группы, ее фрагментация, искусственно созданный демографический и культурный кризис во время пребывания в Коми привели к тому, что на родине большинство шведов быстро ассимилировались в среде украинского населения. Уже в 1959 г. посетивший деревню корреспондент шведской коммунистической газеты «*Ny Dag*» Бертиль Вагнер отмечал высокую степень ассимиляции молодого поколения старошведов⁴⁹. Сохранявшееся шведские традиции и язык меньшинство в массе своей эмигрировало в 1960-х и 1990-х гг. в Швецию. На сегодня из 147 граждан шведской национальности, зарегистрированных в селе Змиевка, только 12 человек (все старше 70 лет) владеют шведским языком.

В результате массовой эмиграции большинство бывших фольксдойче выехало в 1990-х гг. из Коми в ФРГ. Вместе с ними эмигрировало несколько семей шведов. «Немецкий поселок» села Усть-Вымь прекратил свое существование. Лесопункт Башлыков был исключен из учетных данных и на современных топографических картах обозначен как нежилой. В деревнях района сегодня проживают в основном старики. Безработица превышает 50 %. Газопровода нет, и это несмотря на то, что в республике добывается

газ. Решением администрации, несмотря на протесты местного отделения организации «Мемориал», бывший центр Усть-Вымского лагпункта Вожаель, где сохранились уникальные жилые бараки и дом культуры, подлежит закрытию. В настоящее время туда не ходит рейсовый автобус, там не работают магазины, отключены электричество и телефонная связь. Страница трагической истории страны исчезает из пространства и памяти людей.

¹ Настоящая статья подготовлена в рамках научного проекта «Swedish colonies in Ukraine», осуществляемого с 2004 г. на базе Sodertorn University и объединившего ученых Швеции, России (Кунсткамера РАН и российско-шведский центр РГГУ) и Украины (центр украинско-немецких исследований Днепропетровского национального университета). Автор благодарит за финансовую поддержку его участия в конференции «Скандинавские чтения 2008 года» фонд Östersjöstiftelsen.

² Антифеодальная борьба вольных шведских крестьян в Эстляндии: сб. док-тов / под ред. Ю. Мадисона. Таллин, 1978. № 70.

³ *Котлярчук А.С.* Шведы на берегах Днепра. Украины и украинцы в ранней истории Gammalsvenskby // *Ukraine and Sweden on the crossroads of history*. Киев, 2009. (Готовится к печати.)

⁴ *Hedman Jörgen; Åhlander Lars.* Historien om Gammalsvenskby och svenskarna i Ukraina. Enskede, 2004; *Котлярчук А.С.* Немцы Украины в судьбах шведской колонии на Днепре. 1805–2007 // Вопросы германской истории. Днепропетровск, 2007. С. 27–35; *Шрадер Т.А.* Шведы в Украине (борьба за сохранение идентичности) // Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2007 г. СПб., 2008. С. 104–108; *Она же.* Очерки жизни шведских колонистов в России (XIX в.) // Скандинавские чтения–2006. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 2008. С. 229–253.

⁵ *Маньков А.Е.* Село Старошведское (Gammalsvenskby) и его диалект. Результаты исследований 2004–2006 гг. // Шведы: Сущность и метаморфозы идентичности: сб. ст. / отв. ред. Т.А. Тоштендаль-Салычева. М., 2008.

⁶ *Бобылева С.И.* Шведы Украины и государственная власть // Вопросы германской истории. Сборник научных трудов. Днепропетровск, 2008 // Національна бібліотека України імені В. І. Вернадського. URL: http://www.nbuv.gov.ua/Portal/Soc_Gum/Pni/2008/08sibpkk.pdf (20.07.2009).

⁷ Многочисленные материалы «Комитета по делам села Старошведское», известного позже как «Совет по делам села Старошведское» хранятся в Государственном архиве Швеции: Riksarkivet. Gammalsvenskbykommittén. RA/420084; Gammalsvenskbystiftelsen RA/420085. 1929–1938.

⁸ По этой теме автором данной статьи готовится публикация.

⁹ *Gaunt D.* Swedes of Ukraine as «Volksdeutsche». The experience of World War II // Вопросы германской истории. Днепропетровск, 2007. С. 239–250.

¹⁰ *Поболь Н.Л., Полян П.М.* Сталинские депортации 1928–1953 гг. Документы. М., 2005. С. 619.

¹¹ Республиканский архив общественно-политических движений и формирований Коми (далее — РГАОПДФ). Ф. 1. Оп. 4. Д. 180. Л. 257.

¹² Foucault M. Discipline and Punish. The birth of the Prison. Harmondsworth, 1979; Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб., 1997; Он же. Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью / ред. П. Визгин. М., 2002; Melucci A. The process of collective identity // Johnson H. & Klaudermas B. (Eds.). Social movements and culture. University of Minnesota Press, 1995. P. 41–63.

¹³ Фуко М. Интеллектуалы и власть. С. 287–289.

¹⁴ Государственный архив Херсонской области. Ф. Р-4033. Оп. 1. Д. 1276. Л. 196–211.

¹⁵ The Soviet Germans: Past and Present / ed. Ingeborg Fleischhauer. N.Y., 1986. P. 87.

¹⁶ Первый куплет гласит: Från Ukraina vi ute reste / Alla svenskar stora och små / Ingen gick den väg för rosor / Alla vara vi lika en. Запись к.ф.н. Александра Манькова (РГТУ). Выражаю благодарность за предоставление этой информации.

¹⁷ Учетные карточки спецконтингента Жешартского фанерного завода. За пользование этими материалами выражаю свою благодарность д.и.н. Николаю Алексеевичу Морозову (Сыктывкар).

¹⁸ Бруль В. Депортированные народы в Сибири (1935–1965). Сравнительный анализ // Наказанный народ. Репрессии против советских немцев. М., 1990. С. 111 (95–117).

¹⁹ Интервью с Анной Лютко (Сигалет). Ноябрь 2005 г. Село Змиевка, Бериславского района, Херсонской области. Запись в архиве автора статьи.

²⁰ Herje Granberg till Kungl. Beskickningen i Berlin. Den 15 april 1944. Riksarkivet. Utrikesdepartementet. P. 1534. Diverse biträde år utläningar Gammal-Svenskby-boar. Del III.

²¹ Письмо Арвида Кнутаса автору статьи. 18.06.2007.

²² Luukkanen A. The religious policy of the Stalinist state. A Case study: the central standing commission on religious questions, 1929–1938. Helsinki, 1997; Лиценбергер О.А. Евангелическо-лютеранская церковь и советское государство (1917–1938). М., 1999.

²³ Генеральная прокуратура РФ. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. Ч. 1. Курск, 1999. С. 374–382.

²⁴ История сталинского ГУЛАГа. Собрание документов: в 7 т. М., 2004. Т. 5. С. 473.

²⁵ Гинзбург Е. Крутой маршрут. Л., 1990. С. 373.

²⁶ См., например, воспоминания бывшего спецпосленца Жешарта переводчика Игоря Михайлова: Михайлов И. Сквозь ненастье. СПб., 1998.

²⁷ РГАОПДФ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 180. Л. 131.

²⁸ РГАОПДФ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 670. Л. 70; д. 671. Л. 51.

²⁹ Gunnar Johansson & Roger Turesson. Vi ha varit med om sådant som man inte kan tala om. Intervju med Emma Malmas // Expressen. Den 30 maj 1993. S. 13–15.

³⁰ Tysk Karl-Erik. Gryningsljus Gammalsvenskby i blickpunkten. Skara, 2007. S. 51.

³¹ Управление записи актов гражданского состояния Республики Коми. Отдел учета обработки и хранения документов. Сыктывкар.

³² Бруль В. Депортированные народы в Сибири (1935–1965). Сравнительный анализ // Наказанный народ. Репрессии против советских немцев. М., 1990. С. 95–117.

³³ Tysk Karl-Erik. Op. cit. S. 68–69.

³⁴ Морозов Н.А. ГУЛАГ в Коми крае 1929–1956: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2006. С. 32.

³⁵ Aman V. Estlandssvenskarna under andra världskriget // En bok om Estlands svenskar. Stockholm, 1961. S. 197–198 (179–264).

³⁶ Конасов В.Б. Финские военнопленные второй мировой войны // Север. № 11–12.

³⁷ РГАОПДФ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1201. Л. 56.

³⁸ Гарри Хялин. Учетная карточка. Спецконтингент. Жешартский фанерный завод; Кнют Юнсон. Учетная карточка. Спецконтингент. Жешартский фанерный завод.

³⁹ *Поболь Н.Л., Полян П.М.* Указ. соч. С. 17–18.

⁴⁰ *Gunnar Johansson & Roger Turesson.* Op. cit. S. 13–15.

⁴¹ В своих воспоминаниях старошведы называют иногда инженера Юнсона автором письма. Думаю, в действительности Юнсон не пошел бы на такой риск в ожидании собственного освобождения.

⁴² Архив Коми республиканского благотворительного общественного фонда жертв политических репрессий «Покаяние». За возможность использовать эти материалы выражаю свою признательность председателю правления фонда Михаилу Погачеву.

⁴³ *Hedman Jörgen.* Svenskbybornas öden i Gulag-arkipelagen 1945–1947 // *Svenskbyborna 70 år i Sverige, 1929–1999.* Segerdahls Tryckeri. 1999. S. 45–52.

⁴⁴ *Айсфельд А.* Административные переселенцы // *Немцы России: энциклопедия.* М., 1999. Т. 1. С. 29–31.

⁴⁵ РГАОПДФ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 180. Л. 281–282.

⁴⁶ *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960 гг. М., 2003. С. 49.

⁴⁷ Там же. С. 137–138.

⁴⁸ *Котлярчук А.С.* Немцы Украины в судьбах шведской колонии на Днестре. 1805–2007 // *Вопросы германской истории.* Днепропетровск, 2007. С. 27–35.

⁴⁹ *Wagner B.* På besök i Gammalsvenskby. Artikelserie // *Ny Dag.* 8.08.1959; 10.08.1959; 14.08.1959; 17.08.1959.